

По вечерам Паша Туфелькин любил сидеть на крыльце. Дом, пристроенный к крыльцу, был старый и без удобств.

Паша любил сидеть на крыльце, потому что он любил смотреть на небо. А на небо он смотрел в связи с ожиданием. Ждал Паша систему уравнений шестой степени, которая должна была быть написана для него и прямо над ним на ноч-

ном небосводе. Паша знал математику хорошо, но не настолько, чтобы самому вывести эту систему. Перемежал же он свои ожидания скрупулёзной работой над теорией вечного двигателя.

Уже на третьем курсе университета он стал жадно погружаться в квантовую механику. Главное, что уяснил Паша, — квантовая механика не описывает оди-

ночные события, она рассматривает движение только группы частиц. Для этой группы частиц закон сохранения энергии работает нормально.

Паша назвал эту группу частиц «толпой». Сам он никогда в толпу не верил и твёрдо знал, что толпа может только одно — разрушать. Не хотелось Паше анализировать поведение толпы

Они вертятся!

Яков ХОТОМЛЯНСКИЙ

частиц. Он начал разбираться с индивидуальными процессами одиночных частиц. И уяснил, что для одиночной частицы закон сохранения энергии не действует.

Когда Паша, блестя глазами и энергично действуя шариковой ручкой, рассказал про это доценту Коваленко на экзамене, тот резонно заметил, что это — известные вещи, но говорить о них не принято.

— Почему? — удивился Паша.

— Потому что из этого следует, что такая теория допускает наличие механизма, который будет производить больше энергии, чем потребляет сам.

— Это нормальный вывод, — согласился Паша.

— Но это означает возможность вечного двигателя, — начал раздражаться доцент.

— И это правильно, — подтвердил Паша.

— Вечный двигатель невозможен, — выдавил доцент Коваленко побелевшими от гнева губами.

— Что вы, это не так! Смотрите, — опять застрочил Паша.

— Вот что, юноша, — прервал его доцент. — Сначала — математический аппарат. Покажите, что возможен механизм с коэффициентом полезного действия больше единицы, и приходите на пересдачу. А пока — вы свободны. Экзамен Паша пересдал заведующему кафедрой. Тот терпеливо выслушал Пашу и нарисовал в зачётке «уд».

После окончания института Пашу вежливо направили работать учителем физики в ту самую деревню, где он сживал на крыльце, и которая была пригородом. Теперь у него стало достаточно свободного времени для размышления о вечности и о двигателях, что в этой вечности крутятся.

У Паши был свой подход к решению проблемы. Нужно было всё время находиться в ней, искать разные варианты решения и уметь радоваться, когда ничего не получалось. Паша даже не заметил, как в движении к намеченной цели он перестал называть частицу одиночной. Однажды он случайно назвал частицу не одиночной, а одинокой. Свет чуть забрезжил в Пашиной голове. Видимо, Паша, сам будучи одиноким и назвав частицу одинокой, по-

чувствовал свою близость к этой частице и ощутил её своим полным другом. Вечером некоего дня, сидя на своём крыльце, Паша в который раз разговаривал со своей одинокой частицей. Он рассказывал ей, что они оба полны энергией, которой так не хватает другим, и что мы с тобой, — говорил он своей одинокой частице, — просто обязаны помочь всем людям. И тогда на нашей полухолодной и полуголовой Земле наступит совсем другая жизнь.

Именно в этот миг на небе, уже тёмном и готовым вот-вот стать ночным, вспыхнули ярко-зелёные уравнения. Их было четыре, и их сложность была настолько прозрачна, что когда они погасли, оказалось, что их и запоминать не нужно. Оказывается, Паша давно их знал, и только записать было всё как-то недосуг.

На этом вечерние посиделки закончились, а разговоры с одинокой частицей приобрели более строгие отношения. За два месяца было создано математическое обоснование Пашиной теории. Назвал он её унитарной квантовой теорией.

Вывод из этой теории звучал так: «Для индивидуальных процессов с одиночной частицей закон сохранения энергии не выполняется».

Пришла пора воплощать теорию в жизнь.

Паша соорудил нечто вроде электростатической машины. Два диска из акрила, насаженные на тонкие короткие оси, с наклеенными на них шестьюдесятью четырьмя секторами из фольги, Паша установил на стойку из оргстек-

ла. Приладил контактные съёмники и припаял к ним провода. Их свободные концы он погрузил в две банки с различными (он так и не сказал никому — с какими именно!) химическими растворами. Из этих же банок выходили другие два провода, к ним припаяна была маломощная электрическая лампочка. Когда сооружение было готово, Паша вздохнул и щёлкнул тумблером.

Диски слегка завибрировали, а потом начали вращаться. В разные стороны, как и предполагал Паша, и всё быстрее. В какой-то миг лампочка несколько раз мигнула жёлтым огоньком, потом загорелась ярко, и прежде чем Паша успел разомкнуть электрическую цепь, лампочка взорвалась со страшным грохотом. Паша

убрал осколки, подключил лампочку помощнее и снова запустил диски. Процесс опять пошёл и результат вновь повторился.

Тогда Паша нагрузил своё изобретение всем электрическим, что было в доме, — плитка, старенький телевизор, утюг. Машина продолжала крутиться, плитка грела, телевизор стрекотал новостями, к утюгу — не прикоснуться. И только счётчик электроэнергии был неподвижен.

Но Паша хотел большего. Его уравнения показывали, что можно создать такой атом водорода, у которого электрон, вращающийся вокруг протона, будет ближе к протону, чем в обычном атоме. Он знал, что квантовая механика в сотнях и тысячах научных трудов категорически это запрещает, но ведь авторы этих трудов не знали Пашиных уравнений.

...Прошла зима, а за ней ещё одна, а потом ещё. В Пашиной комнате крутились те же два диска. И установка была почти та же. Только две упомянутые банки наполнены были не химикатами, а обычной водой из колодца во дворе.

А Паша опять начал привыкать к своему крыльцу. Дел у него стало меньше, а раздумий больше. Постепенно из всех раздумий сначала туманно, а потом чётко выплыли две проблемы. Первая была — ну вот, работает машина, а что дальше? А вторая — ну вот, дожидаясь тридцати пяти, а что дальше?

А потом по ночам ему стала сниться Ирина. Она поступила в институт, когда

Паша был уже на пятом курсе. Она была красивая девушка, но Паша никогда не делал попыток познакомиться с ней — понимал свои скромные перспективы после окончания института.

Он вспоминал её в первые несколько лет трудовой жизни, а потом перестал — голова была занята уравнениями.

Теперь Ира стала всё чаще возникать перед Пашиными глазами — юная, тоненькая, весёлая. Паша понимал, что прошло уже двенадцать лет, что она уже не такая юная, не такая тоненькая, и вряд ли такая же весёлая.

***

Когда возле дома остановилась большая чёрная иномарка, Паша даже голову не повернул — иномарке такого уровня нечего было здесь делать.

И только возглас — «Привет мыслителям!» — заставил его посмотреть на приезжего.

А тот в одно мгновение оказался перед Пашей, — что, не узнаёшь?

— Не узнаю, — подтвердил Паша и сам себя перебил, — да ты же Лешка!

— То-то, — ответил гость и стиснул Пашу в объятиях.

— С чего бы это ты здесь? И как нашёл? — спросил Паша.

— А ты что, не рад?

— Я отвык от неожиданностей.

— А теперь привыкай.

— Что случилось?

— Очень многое. Главное — пора переходить ко второму этапу.

— Может быть, ты назовёшь мне, что является первым?

И тогда Лешка, сразу став очень серьёзным, сказал, что первый этап крутится в Пашиной избушке. И что его нужно немедленно уничтожить.

Потрясённый Паша смотрел на Лешку и соображал.

— Значит, всё это время ты следил за мной?

— Я всегда знал, что ты гений. И idiot, как все настоящие гении. Когда ты начинал свои труды, ты подумал, что в случае твоего успеха вся промышленная энергетика останется без денег?

— Но энергия, производимая моей машиной, далеко не бесплатная. Мы должны платить за неё.

— Паша, прошу, без лирических отступлений. Дело говори.

— Хорошо. Лёша, они — не уравнения. Они не сходятся. Хотя там стоят знаки равенства, но они не уравнения. И я не могу понять, в чём дело.

— Ты это о каких уравнениях?

— Которые обосновывают.

— Плевать на обоснования. Я хочу купить у тебя машину.

— За сколько? В какую сумму ты оцениваешь мои бессонные ночи, мои проклятия этим математическим абракадабрам, мои руки — посмотри на них — я сделал машину без станков и инструментов. Во сколько, Алексей?

— Пашуня, да ты поэт. Пойдём-ка в избушку, глянем на твой агрегат.

Лешка зашёл в дом по-хозяйски, как будто знал расположение коридоров и комнат. Он уверенно подошёл к машине, посмотрел на неё, а потом на Пашу, — ну, что же ты так встречаешь гостя? Машину запустить бы нужно.

Паша, который шёл за Лешкой и смотрел себе под ноги, недоуменно глянул сначала на гостя, а потом перевёл взгляд на машину.

Диски стояли.

Это было невозможно. Паша пощёлкал тумблером — ничего. Крутнул диски руками — бесполезно. Лешка залился хохотом.

— Пашка, гениально! Ты надул моих людей! Они уверяли меня, что машина крутится бесппроблемно. А проблемки есть. Пашка, как же это хорошо, что есть проблемки!

— Почему же хорошо?

— Потому что ты будешь жить! Нам не нужно будет удалять тебя из этой жизни.

И протянул Паше руку.

Паша руку не пожал, а только спросил, — ты Ирину хоть иногда видишь?

Лешка коротко ответил, — уже нет.

— А где она?

— Она пять лет была моей женой.

— Была? А теперь она где?

— А теперь её нет. Она умерла.

— Как это? — уставился на него Паша. — Как это — умерла. Отчего?

— Она, видишь ли, взяла кредит. Большой. Очень большой. И не отдала. С ней и рассчитались.

— Лёша, что ты говоришь, помилуй, я ничего не понимаю, она — твоя жена, ты так богат, она взяла кредит, ты что, не мог отдать эти паршивые деньги?

— Категорически не мог, — очень серьёзно ответил Лешка. — Не мог же я отдавать деньги самому себе.

— Ты, — похолодел Паша, — ты дал ей деньги и ты её... Подлюка, да я тебя...

Сурово пришлось бы бывшему физику Лешке. Но за его спиной возникли три лёгкие фигуры, гибкие, и постальному сильные. Через мгновение Пашина рука, уже успевшая схватить тяжёлый молоток с рабочего стола, была ловко заведена за спину, молоток был отнят и тут же исчез. Лешка, будто и не произошло ничего, настаивательно объяснял.

— Видишь ли, дурень деревенский, жена — это одно, а бизнес — это другое. В бизнесе, если пожалеешь кого, или слюнипустишь, или робость одолеет на секунду, — делать дальше нечего. Бизнес суров, Паша. Значит, так. Машиной занимайся своей, сколько хочешь, дело это, я вижу, безопасное. Прощай, исследователь!

Осела пыль, поднятая иномаркой, а Паша также стоял возле своей крутилки и думал об Ирине, — какая она была красивая и как она улыбалась. Потом он удивился тому, что предметы в комнате стали двоиться и расплываться. Потом он ощутил тихую вибрацию, диски закрутились, небыстро, и всё быстрее, и ярко вспыхнули лампочки в доме. Загорелся недавно прилаженный Пашей электронный транспарант — «Срочно добавить нагрузку». Через две минуты надпись в транспаранте сменилась — «Мощность превосходит сто семьдесят киловатт».

Аварийное реле отсоединило машину от домашней сети.

А Паша всё стоял и думал, что никакие вечные двигатели не стоят даже одного дня жизни Ирины. И вообще — для чего теперь человечеству электроэнергия, если Иры нет на свете.

Лёгкое шуршание за спиной заставило его очнуться. Три стальные тени придвигались к нему, а сзади шёл пыхтящий Лешка и довольно улыбался, — что, попался, голубчик? Думал, что провёл дураков? Джип без нас уехал, Пашуня, а мы здесь. Вот они мы, вот мы какие, и никто нас не обманет! А тебя мы сейчас выключим.

Очнулся он от резкого запаха. Запах шёл из бутылочки, её держали под Пашиным носом.

Диски машины стояли. Вместо бутылочки перед Пашиным лицом оказалась оскаленная физиономия Лешки.

— Запускай свою телегу, братишка, запускай, если дышать хочешь, пока я ещё в силах подарить тебе остатки твоей собачьей жизни. Моего терпения хватит на две минуты, Пашенька. Не больше.

— Ты знаешь, деляга,— с трудом преодолевая непрерывное гудение в голове, ответил Паша. — Я бы запустил. Мне эта колымага больше не нужна. Только я не в силах её разбудить. Ты ещё ничего не понял? Машина не работает ради корысти. Помнишь, я говорил тебе, что энергия, которую производит эта машина, — не бесплатная, что мы должны платить за неё. Так вот, Лешка, мы должны заплатить своей человечностью. Эта энергия принадлежит природе, и природа дарит нам её во благо и во добро. И мы должны отвечать ей тем же.

— Только без крови, — предупредил Лешка стальных охранников. Вытащите его во двор, а дальше — сами знаете. Когда Пашу выволокли во двор, Лешка подошёл к агрегату. Он щёлкал тумблером, он пытался крутить диски рукой, он

выдернул провода из баночки с водой и долго нюхал эту воду. Когда его ярость дошла до предела, он схватил устройство и выбросил его в раскрытое окно.

— Сколько ему осталось? — спросил он охранника, выйдя во двор.

— Часа два. Как раз светать начнёт.

— Это хорошо. Пусть помучится. Не оживёт?

— Обижаете, босс. Всё, что ввели, — уже рассосалось.

Выйдя во двор, Лешка посмотрел на Пашу. Паша лежал, вытянувшись в струнку. В метре от него лежала покорёженная машина. Было совершенно очевидно — ни Пашу, ни машину оживить нельзя.

— Возьмите железяку и поставьте ему в ноги. Она была его крестом, крестом пусть и останется, — бросил Лешка своим охранникам.

... Перед рассветом Паша очнулся. Он понял — это последний импульс его жизни. Он улыбнулся и подумал, — здравствуй, моя Ириша! Потом перевёл глаза на машину.

Диски машины — согнутые и помятые — чуть заметно вибрировали.

— Это мне мерещится, — мелькнуло в Пашиной голове, — они не могут... И в эти мгновения ему открылось, почему не сходились уравнения, и почему диски вибрируют. Он прикрыл глаза и подумал, что высокая частота вибрации выправит изгибы и вмятины. И диски придут в движение, сначала медленно, а потом...

Диски продолжали вибрировать. Частота вибрации возрастала. Вибрация вошла в резонанс с частотой пульсации Пашиного сердца. Оно забилося, застучало, часто, чаще, чем положено, и ещё чаще, возвращая Пашу к жизни, разгоняя ожившую кровь по всему телу, разрушая в ней ядовитую Лешкину гадость. Невероятная лёгкость наполнила Пашу. Он подумал, что начнёт жить по-другому, не взаперти, жить для того, чтобы дать людям энергию. Много, сколько нужно. Для того чтобы все стали людьми. И чтобы были счастливыми. Всегда.

Он ещё раз посмотрел на диски.

— Они вернутся...

Жизнь возвратилась к нему, и над Пашей торжественно взошло весёлое летнее солнце. **тм**